

УДК 94(470+437+438)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/64/5

В.А. Францев и Карпатская Русь

С.Г. Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Авторское резюме

Владимир Андреевич Францев (4(16).04.1867 – 19.03.1942) – русский учёный-славист. Закончил одну из варшавских гимназий, затем – Императорский Варшавский университет. В 1893–1895 гг. с научной целью совершал командировки за границу. В 1895 г. получил звание магистранта и стал готовиться к защите магистерской диссертации. С 1897 г. три года пробыл в заграничной командировке. В 1899 г. Францев совершил поездку по Угорской Руси. По результатам командировки опубликовал в Варшаве в «Русском филологических вестнике» (1901, № 1–2) статью «Обзор важнейших изучений Угорской Руси». Во время поездки он познакомился и впоследствии поддерживал связи с видными деятелями возрождения Угорской Руси.

С 1899 г. стал и.о. доцента кафедры истории славянских наречий и литератур Императорского Варшавского университета, с 1903 г. – экстраординарный профессор, с 1907 г. – ординарный профессор университета. В 1900–1921 гг. читал лекции в Варшавском университете, который в 1915 г. в связи с Первой мировой войной переехал в Ростов-на-Дону. Его преподавательская деятельность отличалась широтой и разнообразием. Всё своё свободное время В.А. Францев посвящал научным занятиям в архивах, главным образом в славянских землях Австро-Венгрии. Он командировался в архивы «на летнее вакационное время» с 1901 по 1914 г. включительно. Некоторые его командировки распространялись и на зимние каникулы, и даже на все три вакационных периода: зимний, пасхальный и летний, например, в 1906/07 и в 1907/08 академических годах, когда университет не функционировал из-за студенческих волнений. О результатах своих командировок В.А. Францев докладывал в «Обществе истории, филологии и права» при Варшавском университете, в деятельности которого он активно участвовал.

В период 1902–1907 гг. В.А. Францев издал почти все свои наиболее крупные труды (за исключением переписки П.И. Шафарика). В их числе магистерская диссертация «Очерк по истории чешского Возрождения» (Варшава, 1902), докторская диссертация «Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX ст.» (Прага, 1906), «Чешские драматические произведения XVI–XVII ст.» (Варшава, 1903) и др. В 1909 г., в период острых дискуссий по будущему устройству Холмско-Подляшской

Руси, он выпустил «Карты русского и православного населения Холмской Руси с статистическими таблицами к ним».

В 1915 г. В.А. Францев стал членом-корреспондентом Императорской академии наук в Петрограде по отделению русского языка и словесности (ОРЯС), с 1921 г. – действительным членом.

Октябрьскую революцию он не принял, но публично против новой власти не выступал. В конце 1919 г. получил предложение Совета профессоров пражского Карлова университета (Чехословакия) возглавить русское отделение Славянского семинара. В Чехословакию эмигрировал в 1921 г. Стал профессором Карлова университета, в 1927 г. принял чехословацкое подданство.

Вся последующая жизнь его была связана с русской эмиграцией. В.А. Францев был действительным членом и председателем Русского института, а также председателем Русской академической группы в Чехословакии, заместителем председателя Союза русских академических организаций за границей, членом комиссии по исследованию Словакии и Подкарпатской Руси. В 1924 г. ужгородское Культурно-просветительское общество им. А. Духновича переиздало работу В.А. Францева «Из эпохи возрождения Угорской Руси» под названием «К вопросу о литературном языке Подкарпатской Руси». В той же серии вышло небольшое исследование Францева «Из истории письменности Подкарпатской Руси» (1929). В 1930 г. в Ужгороде вышел «Карпатский сборник», где в предисловии помещена статья В.А. Францева «Из истории борьбы за русский литературный язык в Подкарпатской Руси».

Последние годы жизни Францева пришлись на период оккупации Чехословакии нацистской Германией. В.А. Францев умер 19 марта 1942 г. Был похоронен на Ольшанском кладбище в Праге.

Автор более 300 работ по славяноведению.

Ключевые слова: Владимир Францев, Карпатская Русь, Холмщина, Угорская Русь, Подкарпатская Русь, Чехословакия, русины.

V.A. Frantsev and Carpathian Rus

S.G. Sulyak

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Abstract

Frantsev Vladimir Andreevich (April 4 (16), 1867 – March 19, 1942) – a Russian Slavist, who authored more than 300 works on Slavic studies. He graduated from a Warsaw grammar school, then studied in the Imperial Warsaw University. In 1893–

1895, V. Frantsev made several journeys abroad with the academic purpose. In 1895, he began to prepare for the master's degree. In 1897, he went abroad and spent three years there. In 1899, V.A. Frantsev made a trip to Ugrian Rus, after which published an article "Review of the most important studies of Ugri Rus" in the Russian Philological Bulletin (1901, Nr. 1–2) in Warsaw. During his trip, V.A. Frantsev met and subsequently maintained contacts with prominent figures in the revival of Ugrian Rus. In 1899, he became Associate Professor of the Department of the History of Slavic Dialects and Literatures of the Imperial Warsaw University, in 1903 – an extraordinary professor, in 1907 – an ordinary professor. In 1900–1921, V.A. Frantsev lectured at the University of Warsaw, which in 1915 moved to Rostov-on-Don in connection with WWI. Teaching actively at the University, he devoted his free time to archival studies, working mainly in the Slavic lands of Austria-Hungary, where he went "for summer vacations" from 1901 to 1914. Sometimes he continued his work during the winter vacations and Easter holidays, as in 1906/07 and in 1907/08, when the university did not function due to student unrest. V.A. Frantsev reported to the "Society of History, Philology and Law" at the University of Warsaw, of which he was an active participant. In 1902–1907, Frantsev published almost all of his major works (except P.Y. Shafarik's correspondence, published much later). Among them were his master's thesis "An Essay on the History of the Czech Renaissance" (Warsaw, 1902), doctoral dissertation "Polish Slavic Studies in the late 18th and first quarter of the 19th century" (Prague, 1906), "Czech dramatic works of the 16th – 17th centuries" (Warsaw, 1903), etc. In 1909, during heated discussions on the future structure of Chełm-Podlasie Rus, he published "Maps of the Russian and Orthodox population of Chełm Rus with statistical tables". In 1913, V.A. Frantsev became a member of the Czech Royal Society of Sciences. Since 1915, he was a corresponding member of the Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg in the Department of Russian Language and Literature. He did not accept the October Revolution, yet never publicly opposed the new government. At the end of 1919, he received an offer from the Council of Professors of the Prague Charles University (Czechoslovakia) to head the Russian branch of the Slavic Seminar. In Czechoslovakia, he became a professor at Charles University. In 1927, he took Czechoslovak citizenship. V.A. Frantsev's life was associated with the Russian emigration. He was a full member and chairman of the Russian Institute, as well as chairman of the "Russian Academic Group in Czechoslovakia", deputy chairman of the "Union of Russian Academic Organizations Abroad", a member of the Commission for the Study of Slovakia and Subcarpathian Rus. In 1924, the Uzhhorod "A. Dukhnovich Cultural and Educational Society" republished V.A. Frantsev's *From the Renaissance Era of Ugri Rus* under the title *On the Question of the Literary Language of Subcarpathian Rus* and a brief *From the History of Writing in Subcarpathian Rus* (1929). In 1930, The Carpathian Collection was published in Uzhhorod, with Frantsev "From the history of the struggle for the Russian literary language in Subcarpathian Rus" in the preface. He spent his last years in Czechoslovakia occupied by Nazi Germany. V.A. Frantsev died on March 19, 1942, a few days before his 75th birthday. He is buried in the Olshansk cemetery in Prague.

Keywords: Vladimir Francev, Carpathian Rus, Chełm Land, Ugrian Rus, Czechoslovakia, Subcarpathian Rus, Rusins.

Владимир Андреевич Францев родился 4 (16) апреля 1867 г. в русской части Польши, в Новогеоргиевской крепости (ныне – польский Модлин) в небогатой семье лекарского помощника местного военного госпиталя, коллежского регистратора (низший гражданский чин 14-го класса в Табели о рангах) Андрея Константиновича Францева. Его мать Мария Адольфовна была полькой римско-католического вероисповедания [5: 79; 10: 292; 11: 148]. Несмотря на ограниченность в средствах, родители дали сыну неплохое образование. Он окончил русскую гимназию в Варшаве в 1886 г., затем в 1890 г. – историко-филологический факультет Императорского Варшавского университета с правом на степень кандидата. Стал сверхштатным учителем русского языка и словесности, истории и географии во 2-й Варшавской женской гимназии [5: 79; 8: 349; 10: 292; 11: 148].

В 1892 г. В.А. Францев представил диссертацию на тему «Сказки и песни о благородных животных», был утверждён в степени кандидата и стал стипендиатом при Варшавском университете для подготовки к профессорскому званию по предмету «Славянские наречия и литературы». Одновременно он продолжал работать в гимназии [5: 79; 10: 292–293].

В июне 1893 г. его командировали на летнее вакационное время с научной целью за границу. Учёный посетил Загреб, Любляну, Будапешт, Прагу, Вену. Он изучал древнеславянский, сербскохорватский и чешский языки, работал с рукописями в библиотеках и музеях, познакомился со славянскими семинариями И.В. Ягича. Его вторая командировка длилась с 1 июля по 1 декабря 1894 г. Он посетил в Вене лекции Ягича и практические занятия К.И. Иречека, М. Мурко, В. Вондрака и М. Решетара [5: 79; 10: 293–294].

В первом полугодии 1895 г. В.А. Францев сдал магистерский экзамен и получил звание магистранта. В 1896 – начале 1897 г. он работал учителем в 3-й и 1-й женских гимназиях Варшавы. Для подготовки к профессорскому званию был откомандирован с июня 1897 г. за границу, где пробыл три года. В командировке он продолжил изучение языков, литературы, истории и этнографии западных и южных славян. Учёный посетил Моравию, где изучал историю и частично диалектологию [5: 79; 10: 293; 11: 151].

Во время этой командировки в 1899 г. В.А. Францев совершил поездку по Угорской Руси. Он работал в библиотеках и архивах Ужгорода и Мукачева. Здесь же познакомился с известными угрорусскими деятелями: К. и Е. Сабовыми, Е. Фенциком, П. Яновичем, Ю. Чучкой, Ф. Матяцковым и др. Проблемами Угорской Руси заинтересовался под

влиянием профессоров А.С. Будиловича и И.П. Филевича [28: 20–21]. Результатом его научных изысканий стала историографическая работа «Обзор важнейших изучений Угорской Руси», опубликованная в Варшаве в «Русском филологическом вестнике» в 1901 г. [18].

С 29 октября 1899 г. в Варшавском университете в связи с уходом Константина Яковлевича Грота освободилось место на кафедре истории славянских наречий и литератур. После возвращения из командировки В.А. Францев был назначен исполняющим должность доцента на этой кафедре с 10 октября 1900 г. [5: 80; 8: 349; 10: 294–295; 11: 151].

В 1902 г. учёный защитил магистерскую диссертацию «Очерки по истории чешского возрождения» и в 1903 г. был назначен экстраординарным профессором. В 1906 г. он защитил докторскую диссертацию «Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX столетия» и с 1907 г. стал ординарным профессором Варшавского университета [5: 80; 8: 349; 10: 295; 11: 151].

В университете читал курсы новой чешской литературы, исторической грамматики чешского языка, истории южнославянских литератур, славянских древностей, лингвистического введения в славяноведение, исторической этнографии, грамматики церковнославянского языка и т.д. Многие его курсы были опубликованы в качестве пособий для студентов (см., напр.: [22]). Также он вёл практические занятия по чтению чешских и других славянских текстов и преподавал чешский язык [5: 80; 8: 349; 10: 295; 11: 151].

Много времени В.А. Францев уделял научной работе. В летнее вакационное время (с 20 июня по 20 августа) с 1901 по 1914 г. он был в командировках, работая в архивах славянских земель Австро-Венгрии. Некоторые его командировки приходились и на зимние, и на пасхальные каникулы. О результатах командировок учёный докладывал на заседаниях Общества истории, филологии и права при Варшавском университете, будучи членом его бюро и редактором [5: 80–81; 10: 295–297; 11: 152].

Участвовал он и в общественной жизни университета. В качестве представителя Варшавского университета читал торжественный адрес академику И.Я. Ягичу, участвовал в открытии памятника Н.В. Гоголю в Москве, славянском съезде в Софии и т.д. В.А. Францев был членом редакционной и библиотечной комиссий университета, редактором университетских «Известий», секретарём историко-филологического факультета, членом и председателем университетского суда и т.д. [5: 81–82; 10: 297].

В период с 1902 по 1907 г. были изданы все его крупные работы (за исключением «Корреспонденции П.Й. Шафарика с русскими учёными», вышедшей в Праге в 1927–1928 гг. на чешском языке).

В их числе магистерская диссертация «Очерк по истории чешского возрождения» (Варшава, 1902), докторская диссертация «Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX ст.» (Прага, 1906), «Чешские драматические произведения XVI–XVII ст.» (Варшава, 1903), два тома «Писем к Вячеславу Ганке из славянских земель» (Варшава, 1905) и т. д. [5: 82; 10: 297–298; 11: 152].

В 1905 г. он опубликовал статью «К истории кафедры славяноведения в Варшавском Королевском Александровском университете» в «Новом сборнике статей по славяноведению», который был подготовлен и выпущен учениками В.И. Ламанского к 50-летию его научно-литературной деятельности [20]. Это был первый университет, открытый русскими властями в Варшаве в 1816 г. и ликвидированный в 1831 г. после подавления польского мятежа.

Научный авторитет В.А. Францева рос. В 1904 г. его избрали иностранным членом Чешской академии наук и искусств. В 1907 г. он получил премию митрополита Макария за издание корреспонденции В. Ганки и премию им. профессора А.А. Котляревского за докторскую диссертацию и издание второго тома корреспонденции И. Добровского. В 1913 г. он стал членом Чешского королевского общества наук, Чешского этнографического общества, членом-сотрудником Пушкинского общества при бывшем Александровском лицее, а в 1915 г. – членом-корреспондентом Российской академии наук по отделению русского языка и словесности (ОРЯС) [5: 82; 8: 349; 10: 298; 11: 152].

Во время Первой мировой войны, перед взятием немцами Варшавы, в июне 1915 г. Императорский Варшавский университет был эвакуирован и размещён в Ростове-на-Дону. Как писал В.А. Францев академику А.А. Шахматову накануне переезда в Ростов-на-Дону, это решение его удручает: потеряв «всю свою библиотеку, собранную в течение почти 25-летних моих поездок в славянские земли, не имея ни листочка своих заметок и материалов, я решительно не вижу никакой возможности работать в Ростове, где нет никакой библиотеки по истории славянских литератур и вообще по славяноведению» [5: 82–83; 10: 298–299; 11: 152].

Октябрьскую революцию учёный не принял, но публично против новой власти не выступал [5: 83; 10: 299–300; 11: 152]. В конце 1919 г. получил предложение пражского Карлова университета на постоянную работу. После отступления Белой армии он решил эмигрировать из России. Т. к. В.А. Францев родился на территории, ставшей частью независимого польского государства, то получил польское гражданство и советские власти разрешили ему перебраться в Польшу, откуда он переехал в Чехословакию. В Прагу учёный прибыл 10 сентября 1921 г. (у В.Т. Пашуто – 11 ноября [14: 60]), а в штате Карлова универ-

ситета числился с 1 января 1922 г. 9 ноября 1921 г. он был избран действительным членом Российской академии наук по отделению русского языка и словесности (ОРЯС). В Советскую Россию В.А. Францев возвращаться не хотел. В письме от 15 июля 1923 г. он пишет своему коллеге академику М.Н. Сперанскому: «В Россию, очевидно, не вернусь; с грустью об этом думаю и не нахожу ни в чём утешения; надо работать здесь, пока есть силы, но тоска давно уже одолевает, и трудно, тяжело жить без отчизны, без родной почвы под ногами, без родного воздуха» [5: 83–84; 10: 300–301; 11: 152].

На решение эмигрировать из Советской России повлияло также состояние здоровья учёного, который в 1920–1921 гг. несколько раз перенёс брюшной тиф, сыпной тиф и паратиф [16: 195]. В первые годы эмиграции В.А. Францев не исключал возможности возвращения на родину, о чём сообщал в письме, направленном секретарю академии в феврале 1922 г. В свою очередь руководство ОРЯС почти два года предпринимало попытки вернуть учёного, вплоть до «ультиматума». Планы В.А. Францева изменились, и он отказался от звания академика [16: 316].

В 1927 г. учёный принял чехословацкое гражданство. Из-за непосещений заседаний Российской академии наук был исключён из её состава постановлением Общего собрания АН СССР 15 декабря 1928 № 245, утвердившим Постановление Президиума АН СССР о лицах, утративших связь с АН СССР ввиду выезда за границу¹ [10: 300–301; 11: 152].

Он был лоялен к чехословацкому государству, ему импонировало, что чехи «умеют строить, не разрушая старых исторических основ, создавать новую жизнь, почитая традицию и храня свято заветы предков, оберегая все святыни народные и утверждая высокие идеалы славянской взаимности» [24: 13].

В.А. Францев стал ординарным профессором славянской филологии в Карловом университете, преподавал русский язык и словесность, читал лекции по истории русского языка, русскому фольклору, древнейшей русской письменности, русской литературе XV–XIX вв., истории славянской филологии. Первую лекцию в Карловом университете на тему «Начало славянских изучений в России и Польше. Исторические параллели» он прочитал 2 марта 1922 г. В дальнейшем больше внимания стал уделять русскому языку и словесности, читая лекции по истории русского языка, русской науке и литературе конца XVIII – начала XIX ст., русскому фольклору, древнейшей русской письменности, русской литературе XV–XVII вв., XVIII в., начала и середины XIX в., русскому романтизму, историографии русской литературы и т. д., проводил семинары по «Слову о полку Игореве», русским былинам, эпическим песням, текстам XV–XVII вв. и т. д. [5: 85; 11: 152].

Основным направлением исследовательской работы В.А. Францева в Праге стало изучение связей русских писателей и поэтов с южными и западными славянами, их славянских идей и устремлений. Особенно много внимания в этом смысле он уделял А.С. Пушкину. Учёный продолжил заниматься изучением творчества основных деятелей чешского возрождения. Й Добровскому посвящены статьи Cesta J. Dobrovského a hrab. J. Šternberka do Ruska v letech 1792–1793, Praha, 1923; Maloruské národní písně v pozůstalosti J. Dobrovského, Praha, 1923 (отд. отт. из Národopisný Věstník Československý, d. 16, 1923, č. 1–2); Dopisy neznámé české šlechtičny Josefu Dobrovskému z r. 1796, vydal V. A. Francev, Praha, 1929; Писма Ат. Стојковића Јосифу Добровскому, публ. В. Францева, «Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор», књ. 10, 1930, св. 2, стр. 176–190; K dějinám lidovědných studií Dobrovského, «Listy filologické», d. 57, 1930, str. 291. Учёный опубликовал двухтомную переписку П.И. Шафарика (Korespondence Pavla Josefa Šafaříka. Vzájemné dopisy P.J. Šafaříka s ruskými učiteli (1825–1861). Vydal V.A. Francev. Část I v Praze, 1927; Část II v Praze, 1928), над которой начал работать ещё в Варшаве, несколько небольших статей. Ряд работ он написал о Я. Колларе. В 1932 г. издал чешский перевод «Слова о полку Игореве», выполненный Й. Юнгманном в 1810 г., вместе с русским текстом в латинской транскрипции и собственным введением. Одна публикация посвящена В. Ганке («Gessnerovy Idylly» v překladu Hankově, Sborník prací, věnovaných V. Tillovi, Praha, 1927). В 1928 г. в Софии вышла его работа «Болгарско-чешские литературные связи в половине XIX столетия», отд. отт. из «Списание на Българска академия на науките», кн. 38, стр. 33–80 [5: 85–87].

В Праге В.А. Францев продолжил изучение истории и языка населения Подкарпатской Руси. Он сотрудничал с ужгородским Культурно-просветительным обществом им. А. В. Духновича, которое выпускало на русском языке журнал «Карпатский свет» и в приложении к нему серию брошюр и сборники научных статей [5: 86].

В.А. Францев активно участвовал в жизни русской эмиграции. Он был действительным членом, а затем и председателем Русского института, существовавшего в Праге в 1922–1938 гг. Как записано в «Положении о Русском институте в Праге», его целью было «распространение сведений о России, русской культуре и текущих работ русских учёных и писателей, и представителей всех областей знания и искусства». Русскому институту оказывало финансовую помощь чехословацкое правительство. В.А. Францев также стал почётным председателем Русской академической группы в Чехословакии, заместителем председателя Союза русских академических организаций за границей, руководителем русского отделения Славянского семинара при Карловом университете, членом комиссии по исследованию

Словакии и Подкарпатской Руси [5: 84–85; 11: 165; 17: 127–129, 129], участвовал в работе Философского общества в Праге, Русского исторического общества, Археологического семинара Н.П. Кондакова (Институт Н.П. Кондакова), Института изучения России и т.д. [3: 8–9]. Учёный сотрудничал со «Славянской библиотекой», которая была образована МИД ЧСР 4 декабря 1924 г. в рамках «Русской вспомогательной акции». Её фонды первоначально насчитывали 12 тыс. книг и постоянно пополнялись. В 1929 г. принял участие в выпуске «Пушкинского сборника» [2: 21].

Его научная работа привела к дальнейшему росту авторитета учёного. В.А. Францева избрали членом-корреспондентом Болгарской академии наук (1926 г.), членом-корреспондентом Этнографического общества в Праге, действительным членом Пражского славянского института (1930 г.) [5: 86–87; 10: 374].

Учёный в годы эмиграции продолжал сотрудничать с советскими исследователями. Об это говорит его инициатива в подготовке I Съезда славистов (Прага, 1929), в котором участвовали и делегаты из СССР. Он никогда не выступал в печати против Советского Союза. Нацизм он отвергал, к советско-чехословацкому сближению накануне войны отнёсся положительно, о чём говорит новое издание его труда «Русские войска в Чехии. К 200-летию, 1735–1935» [14: 61–62]. В 1937 г. он вышел на пенсию [14: 64].

Последние годы жизни В.А. Францева пришлось на период оккупации Чехословакии нацистской Германией. В этих условиях русская эмиграция разделилась на два лагеря: одни перешли на сторону нацистов, другие пытались просто приспособиться, выжить. Коллаборационистом учёный не стал. Он умер 19 марта 1942 г., за несколько дней до своего 75-летия, и был похоронен на Ольшанском кладбище в Праге [5: 87; 10: 374–375; 12: 690].

В.Н. Францев, племянник учёного, в своих воспоминаниях привёл слова Владимира Андреевича: «Когда придут большевики, я буду первый махать из окна красным платком» [14: 62].

По данным Т. Силлабы, научное наследие В.А. Францева насчитывает 316 работ. Их можно условно разделить на публикацию источников по истории славяноведения, изучению чешской науки о славянах и её культуры, исследованию славяноведения в Польше и польско-русских отношений в научной сфере, развитию славяноведения у других славянских народов и межславянским отношениям [10: 301].

На первом месте как по объёму, так и по значению стоят работы по изданию источников. Также сюда можно отнести его монографии и статьи, где преобладает авторский текст В.А. Францева, но в качестве приложения публикуются те источники, на основе которых написана данная работа. Вторую группу составляют его самостоятель-

ные труды, в первую очередь, обе диссертации. Небольшие работы В.А. Францева связаны с публикацией архивных материалов. К ним также относятся десятки библиографических заметок, рецензий, некрологов, критико-биографических статей. Среди библиографических работ можно отметить биографию К.Я. Грота, изданную в 1935 г. в Праге на чешском языке [5: 87, 90, 92, 93]. Ряд работ К.Я. Грот посвятил истории Карпатской Руси. Сохранились курсы лекций В.А. Францева, которые раскрывают широкий научный кругозор учёного [5: 94].

Основное направление научной деятельности, как определил он его сам в 1898 г.: «стремление основательно и, главным образом, самостоятельно ознакомиться с периодом чешского возрождения, литературной деятельностью и заслугами выдающихся его деятелей» [10: 301–302; 11: 153].

Около 60 трудов В.А. Францева посвящено польской тематике [10: 341]. Последней крупной работой исследователя, освещающей проблему польско-русских отношений, является монография «Пушкин и польское восстание 1830–1831 годов. Опыт исторического комментария к стихотворениям “Клеветникам России” и “Бородинская годовщина”», вышедшая в юбилейном «Пушкинском сборнике» (Прага, 1929) [11: 163] и в том же году отдельным оттиском.

Ряд работ учёного, как уже говорилось выше, посвящён истории и языку Карпатской Руси [15: 18–19; 21; 23; 25–27].

Можно согласиться с мнением Л.П. Лаптевой, что «В.А. Францев относится к тем русским учёным-гуманитариям, которые в начале XX в. определили почётное место России в европейской науке. Он был славяноведом энциклопедического типа, т.е. изучал славянский мир в его совокупности: историю, филологию, языкознание, этнографию, литературу, источники о славянах, прошлое и современное состояние всех сторон культуры и вообще духовной жизни славянских народов» [11: 146].

Собранные учёным многочисленные факты, опубликованные забытые или ранее неизвестные источники способствовали дальнейшему развитию славяноведения [8: 351].

Т. Силлаба считал, что «исследовательский труд всей жизни В.А. Францева заключает в себе материал, который можно считать необходимым для всех дальнейших исследований по истории славистики. Было бы жаль, если из-за идеологических, теоретических и методологических недостатков автора он оставался и далее мало использованным» [34: 35].

Биография, научная, педагогическая и общественная деятельность учёного освещались в работах Л.П. Лаптевой, в т. ч.: [4–11], М.Ю. Досталь [1], чешских учёных [13; 31–36], в исследованиях по русской эмиграции [2–3; 14; 16–17].

К сожалению, работы В.А. Францева, посвящённые Карпатской Руси, лишь частично упоминаются в нескольких исследованиях [5; 10].

В 1900 г. В.А. Францев под псевдонимом Путник опубликовал в «Русском вестнике» статью «Современное состояние Угорской Руси». В ней он писал: «За Карпатскими горами, в северо-восточном углу Угорской (Венгерской) половины Австрийской монархии, в ближайшем соседстве с Русью Галицкой и Буковиной, искони обитает полумиллионный русский народ, отрезанный от мира и неведомый ему вследствие того тяжёлого гнёта, который заставил его умолкнуть и погрузиться в то состояние полнейшего равнодушия к своей судьбе...». Автор подчеркнул, что «современное состояние Угорской Руси чрезвычайно печально» [15: 629].

Одной из причин такого положения народа автор считал то, что «кормчие народа», которым следовало бы вести свой утлый корабль к тихой пристани мирного развития и просвещения народа, сами укываются по норам как кроты...». Интеллигенцию составляли «исключительно лица духовные и народные учителя». «Школа, которую проходят эти ближайшие наставники народа, вовсе не подготавливает их к великому делу служения народу, она служит прежде всего целям мадьяризации и в этом направлении воспитывает всю угрорусскую молодёжь; тяжёлая же школа жизни убивает все лучшие её стремления». Те, кто вышел в чиновники, быстро перерождаются «в рьяных мадьяров-ренегатов» [15: 630]. Также учёный упоминал о «мадьяризации нынешнего угрорусского духовенства» [15: 631]. «Пример священников увлекает и их ближайших помощников в деле мадьяризации, народных учителей (певцеучителей), также не отказывающихся от милостей начальства в воздаяние патриотических заслуг» [15: 633].

Автор отметил «привязанность народа к русской церкви, её обрядам, древнему богослужебному языку и кирилловской азбуке», что объясняет неудачные попытки ввести в богослужение мадьярский язык. Упоминает он и о наличии в церкви «искренно преданных ей сынов её, а не слепых орудий политических замыслов правительства», которые ведут просветительскую деятельность [15: 633–634].

Образование юношество получало в Пряшевской и Ужгородской (Унгварской) духовных семинариях, в гимназиях и препарандиях (учительских семинариях). Большинство людей, обучившихся в средней и высшей школе, слабо владели русским языком, зато в совершенстве знали мадьярский [15: 634]. В семинариях преподавание велось в основном на латинском языке, церковное право читалось на мадьярском, пастырское богословие – на русском, студентов обучали церковнославянскому языку и церковному пению [15: 635–636]. В учительскую семинарию в Пряшеве принимали после окончания четырёх классов гимназии, не окончившие гимназию поступали в

подготовительный класс препарандии. Её выпускники становились сельскими учителями и одновременно псаломщиками (певцеучителями). Поэтому при обучении важное место отводилось церковному пению и церковнославянскому языку [15: 636–637].

Образование девушек поставлено плохо, как и во всей Австро-Венгрии. Девушки обучались преимущественно у монахинь-католичек. Для воспитания девушек-сирот, дочерей священников в Ужгороде был открыт пансион, в котором все предметы преподавали на мадьярском языке. По-русски учили только читать и писать. Как отмечал автор, в просветительских учреждениях Угорской Руси «ничего русского нет, и русский язык не играет в них никакой роли» [15: 637].

Просветительские задачи провозгласило в своём уставе Общество св. Василия Великого в Ужгороде, возникшее в 1864 г. Оно сплотило «все лучшие умственные силы Угорской Руси». Общество начало свою деятельность под председательством А.И. Добрянского и его помощника о. Иоанна Раковского. Оно «охватило широкие круги угрорусского образованного общества». С 1867 г. общество стало издавать еженедельную газету «Свет», в которой сотрудничали «все выдающиеся угрорусские деятели этой знаменательной эпохи» [15: 637]. К сожалению, газета и книги, выпускаемые обществом на литературном русском языке, были доступны лишь узкому кругу интеллигенции [15: 639].

С назначением епископом на Мукачевскую кафедру мадьярского ставленника Стефана Панковича Общество св. Василия и его вожди стали подвергаться гонениям до тех пор, пока, по выражению одного из видных его членов, не впало в «летаргический сон». Более 30 лет общество бездействовало и возобновило свою работу после общего собрания его членов 24 декабря 1896 г. [15: 640].

Обратил В.А. Францев внимание и на тяжёлое экономическое состояние угрорусского народа, на которое должно было обратить мадьярское правительство [15: 648–652]. «Одним из величайших зол многострадальной Угорской Руси» автор считал «непомерно развитое пьянство» [15: 652]. Упоминал он и эмиграцию в Америку, где многие угрорусы «стали богатыми людьми». Вместе с выходцами из Галичины они создали свои «отлично организованные общества», издавали «Американский русский вестник», имели свыше 50 своих униатских церквей и 36 священников. Связей со своей родиной они в большинстве случаев не теряли и, заработав средства в Америке, возвращались домой. Мадьярские власти смотрели на них с недоверием, опасаясь распространения православия и идей панславизма [15: 652–653].

В статье «Обзор важнейших изучений Угорской Руси» (из отчёта о заграничной командировке) (1901 г.) В.А. Францев напомнил о «важ-

ных и обширных задачах русской исторической науки на Карпатах», на которые ранее обратили внимание Н.И. Надеждин и И.П. Филевич [18: 145]. Вопрос о русском имени на Карпатах на протяжении последних более пятидесяти лет создал «весьма небольшую литературу» [18: 145–146]. Помимо вышеперечисленных учёных, данный вопрос поднимали М. Лучкай, П.И. Шафарик, А. Годинка, Л. Нидерле, А. Орлай, Я. Головацкий, А. Добрянский, Ю. Жаткович и др. [18: 146–153].

Обратил внимание исследователь и на важность изучения угрорусских говоров [18: 153]. Вопрос о языке интересовал первых русских путешественников по Угорской Руси П.И. Кеппена, В.Б. Броневского, И.И. Срезневского, польского славяноведа А. Кухарского, его чешского коллегу Ф. Пастернака. Он поднимался в ранних трудах П.И. Шафарика. Об особенностях угрорусского наречия писали И. Заборский, А. Будилович, Е. Огоновский, И. Верхратский, А. Кочубинский, Л. Петров, И. Шкультетый, О. Брок, В. Гнатюк и др. [18: 154–164]. Исследователь представил обзор изучения численности «русского населения Угорщины и пределах распространения его», указал на фальсификацию данных в официальной венгерской статистике. Он привёл пример: «По официальным сведениям, в 1880 году в общей цифре населения Угорского королевства 15 642 102 чел. (из них мадьяр 6 445 467 чел.) числилось русинов 356 062 ч.; в 1890 г. в общей цифре населения 17 349 398 чел. (из них мадьяр 7 426 730 чел.) русинов числится 383 392 чел. В течение семнадцати лет чисто мадьярское население с 6 445 467 душ (в 1880 г.) возросло до 8 164 147 чел. (в конце 1897 года), т. е. увеличилось на 1 718 680 чел., или на 26,7 %, тогда как немадьярское население усилилось всего только на 13 %, русское – меньше, чем на 8 %. Между тем известно, что славянское население Угрии отличается наибольшею плодovitостью, что семьи в 6–8 и даже 12 детей, например, у словаков, весьма нередки». Некоторым подспорьем для определения численности угрорусского населения могут служить, по мнению автора, епархиальные шематизмы (списки духовных лиц, всех приходов, количество верующих и т. д.). Данные, правда, будут приблизительные, т. к. они не различают национальность, показывая только вероисповедание, «при отдельных приходах ограничиваются глухим указанием на язык прихожан». Все угрорусские приходы принадлежат к греко-католическому (униатскому) вероисповеданию, поэтому, выбрав данные о греко-католических приходах с русским языком, получим «достаточно верную сумму населения русского чистого». Однако остаются приходы со смешанным населением, где угрорусов сложно выделить, да и данные шематизмов относительно употребления русского языка не во всех случаях можно принять на веру. Он обратил внимание на замеченный ещё И.И. Срезневским факт: русинами по вере в Венгерском королевстве называли всех

униатов и православных, независимо от того русины они, или словаки, или венгры (мадьяры), кроме сербов и волохов (валахов) [18: 171–174].

По шематизму Пряшевской епархии на 1898 г. (*Schematismus venerabilis cleri graeci ritus catholicorum dioecesis Eperjesiensis pro a. d. 1898, Eperjesini, 1898*) было 169 254 чел. греко-католического вероисповедания. Из них 130 541 чел. приходилось на 154 прихода с языком исключительно русским (*slavo-ruthenica*); 4 396 чел. на 4 прихода – с языком только мадьярским; 29 395 чел. на 28 приходов – с языком мадьярским и русским (в одном случае шематизм отмечает *linguam slavicam*, но не *slavo-ruthenicam*, et *hungaricam*, а именно в *Bölzse-Sziget*, в Абауй-Торнянском комитате); и 4 922 чел. с языком русским, мадьярским и немецким в 2 приходах (Пряшев и Кошицы). Далеко не все греко-католики с языком *slavo-ruthenicae* приходов Пряшевской епархии могли быть причислены к угрорусам, что видно при сопоставлении шематизмов с данными официальных переписей по народностям [18: 175].

В 1899 г. в Мукачевской епархии насчитывалось 488 123 греко-католиков (по данным *Schematismus cleri graeci ritus catholicorum dioecesis Munkacsensis ad a. d. 1899, Ungvárini, 1899*). Среди них употреблявших один русский язык – 354 804 чел. в 281 приходе (в 1896 г. – 284 прихода), язык русский и мадьярский – 56 421 чел. в 48 приходах (в 1896 г. – 63 прихода), язык мадьярский – 83 394 чел. в 53 приходах (в 1896 г. – 39 приходов), румынский и русский – 1 269 чел. в 1 приходе (осталось по-прежнему), мадьярский, русский и румынский – 654 чел. в 1 приходе (осталось по-прежнему) [18: 175–177].

Греко-католиков с русским языком получается 485 345 чел. (130 541 + 354 804). Официальная статистика показывает в 1890 г. только 383 392 чел. Если к полученной цифре прибавить русское население Бачки и Срема, насчитывавшее, по официальным данным, 12 933 чел. и 414 русских жителей Семиградья, получается 498 692 чел. Если сюда добавить русское население смешанных приходов, если даже принять, что оно составляет треть населения таких приходов, то количество русского населения можно увеличить на 30 тыс. чел. Это, как минимум, 528 682 чел. [18: 177]. В.А. Францев обратил внимание на то, что количество русского населения в Венгрии постоянно уменьшалось и «русские селения исподволь, но систематически мадьяризируются» [18: 178].

Исследователь пишет, что работа по собиранию, изданию и изучению «небогатой угрорусской письменности» почти не ведётся. «Листок», издававшийся о. Евгением Фенциком, обращался «с воззваниями потрудиться на этом широком поле к угрорусской молодёжи, “новосвященникам” без мест, причётникам, пользующимся каникула-

ми народным учителям и “усердным, трудолюбивым приходникам” (настоятелям)». В 1892 г. «Листок» объявил конкурс «на соби́рание угрорусских сказок, предлагая за каждую подлинную угрорусскую сказку, записанную “тем простым языком, каким оне в простонародье говорятя”, от 2 до 5 гульденов». Е. Фенцик один из составленных таким образом сборников передал А.Л. Петрову для издания этих материалов в сборниках Императорского русского географического общества. Относительно дальнейшей судьбы сборника Е. Фенцику было ничего не известно [18: 178–179].

«На важность изучения географической номенклатуры страны для решения вопросов древнейшей истории её» обращал внимание известный галицко-русский учёный о. Антоний Петрушевич, который считал, что необходимо издать полный чертёж территории, занятой угрорусами, «с определением имён населений, рек, гор, потоков и пр.; далее необходимо собрать акты, грамоты, к истории Закарпатской Руси принадлежащие; затем составить краткую историю закарпатских русских епископий, монастырей, братств церковных и сочинить подробное описание всех русских местностей, т. е. городов, урочищ древних укреплений, подземных частей, могил с преданиями; наконец, собрать народные песни исторические, обрядовые, пословицы». К соби́ранию исторических и топографических сведений о Прикарпатской Руси призывал и галицко-русский писатель, общественный деятель В.М. Площанский [18: 179].

Осуществить данную задачу, требовавшую солидной научной подготовки, материальных средств и т.д., «силами весьма немногих просвещённых деятелей Угорской Руси» было невозможно. «Научная экспедиция ма́дьярских учёных для русской науки была бы совершенно бесполезной при общеизвестном политическом и национальном шовинизме ма́дьяр, без стеснения переносимом ими и в область чисто научной деятельности». В.А. Францев считал, что на эти призывы должны откликнуться «ближайшие братья-русские по ту сторону Карпат и за рубежом Австро-Венгерской монархии» [18: 179–180]. Ранее о необходимости снарядить в Угорскую Русь русскую научную экспедицию высказывались А.Н. Пыпин, А.Л. Петров, А.С. Будилович, И.П. Филевич [18: 180–182].

Из исследований, посвящённых описанию Угорской Руси и её населения, автор отметил статью Я.Ф. Головацкого «Cesta po halické a uherské Rusi» («Časopis Česk. Mus.», 1841–1842), две её главы были переведены на русский язык А. Старчевским и опубликованы в «Журнале Министерства народного просвещения» (1844, № 3, 4), а также топографическо-географическое описание Северо-Восточной Угорщины Анатолия Кралицкого («Науковый сборник», год II, 1866, вып. I–IV, Львов) [18: 183].

В.А. Францев обратил внимание на необходимость работы в архивах Венгрии, всё хранившееся в них на славянских языках «умышленно игнорируется исследователями мадьярскими». Об этом в своё время писали А.С. Будилович и И.П. Филевич [18: 184].

В заключительной части материала учёный перечисляет работы, посвящённые истории, этнографии, языку Угорской Руси, упоминая труды местных исследователей М. Лучкая, А. Кралицкого, Н. Нодя, А. Митрака, Ю. Жатковича и др., а также российских А. Дешко, А. Петрова, Г.А. Де-Воллана, галицких Я. Головацкого, В. Гнатюка и др. [18: 184–197].

Во Львове в 1-й книге «Научно-литературного сборника Галицко-русской матицы» за 1902 г. была опубликована статья В.А. Францева «Из эпохи возрождения Угорской Руси (Несколько неизданных писем)», вышедшая в том же году и как отдельный оттиск [19]. В 1924 г. она была переиздана в Ужгороде культурно-просветительным обществом А. Духновича под названием «К вопросу о литературном языке Подкарпатской Руси» [23].

В.А. Францев напоминает, что «вопрос о литературном языке в Б. Угорской (ныне Подкарпатской) Руси не имел, по-видимому, никогда двух решений. С самого начала того знаменательного умственного движения, которое началось и в Угорской Руси под влиянием событий и идей 1848 г., обновлённая угрорусская письменность определённо и решительно высказалась за единый русский литературный язык. Колебаний в том отношении не наблюдалось» [23: 3]. Представление о взглядах И.И. Раковского и современных ему деятелей возрождения Угорской Руси дают его письма к Д.И. Зубрицкому и др. [23: 3–4]. В статье автор приводит письма А. Добрянского, А. Духновича, П. Яновича, А. Кралицкого, А. Петрашевича (от имени студентов Ужгородской духовной семинарии) профессору Варшавского университета, уроженцу Богемии Ф.И. Иезбере, который начал в Праге издавать всеславянский журнал «Словенин». После его смерти сыновья покойного передали письма автору статьи [23: 4–5]. Сами письма, по мнению В.А. Францева, «при всей видимой незначительности своего содержания заключают, однако, далеко не бесценные данные для истории русского национального и литературного возрождения Подкарпатской Руси» [23: 5].

В период обострения обсуждения холмского вопроса вышли составленные В.А. Францевым «Карты русского и православного населения Холмской Руси» (Варшава, 1909), где наряду с историей изучения вопроса приводятся статистические таблицы. Автор пишет, что «вопрос о количестве и пределах распространения православного и исконного русского населения в границах Царства Польского – в Холмской, или Забужной Руси и Подляшье, т. е. в восточных уездах

нынешней Седлецкой и Люблинской губерний, имеет весьма незначительную литературу». Попыток решить эту задачу было немного, причём они относятся к прошлому. Однако, когда был поднят «давний проект образования Холмской особой губернии из восточных частей названных двух» и когда возник интерес к этому в печати, появилось несколько статей и очерков на эту тему. Автор обратил внимание на то, что эти работы имели односторонний характер, принадлежали полякам и обращали «исключительное внимание на определение числа и границ православного населения в названных губерниях» и совершенно игнорировали «вопрос о количестве и пределах русского (resp. малорусского) населения». И если первый вопрос был достаточно разработан, то в своей работе учёный постарался ответить и на второй вопрос [21: I].

Впервые картину расселения православного и русского населения в вышеперечисленных губерниях дал А.Ф. Риттих (Карта народонаселения Люблинской губернии по исповеданиям и племенам / Сост. Ген. штаба подполк. А. Риттих. СПб., 1864; Приложение к материалам для этнографии Царства Польского, губернии: Люблинская и Августовская / Сост. Ген. штаба подпол. Риттих. СПб., 1864) [21: II]. В новейшее время вопросом о количестве православного населения Холмщины и Подляшья занимались в основном польские исследователи [21: II–VI].

Значительно труднее, пишет автор, «определить точную цифру русского, т. е. говорящего по-русски (по-малорусски) населения и строго разграничить его от населения польского» [21: VIII]. Это пытались сделать П.Й. Шафарик, А.Ф. Риттих, П.П. Семёнов-Тян-Шанский, П.П. Чубинский, П.К. Щебальский, Г.И. Величко, Т.Д. Флоринский [21: VIII–IX].

Исследователь указывает, что до Указа от 17 апреля 1905 г. в Люблинской и Седлецкой губерниях числилось 449 571 чел. православного населения. В начале 1908 г., по данным православного духовенства, его осталось только 280 292 чел. За три года в католичество перешло 169 279 чел. В.А. Францев считал, что общее количество малорусского населения достигало минимум 350 тыс. чел. К этой цифре следует прибавить католиков, говоривших по-русски. Он обратил внимание, что там, где «сильнее привязанность к православной церкви, тем прочнее сохраняется и русский язык, но вообще понятие "русский" и "православный" здесь не покрывают друг друга; как и в пределах Холмщины, как и других частях Западной Руси, мы встречаем селения, где жители говорят по-русски, но в то же время принадлежат к католической церкви, и, наоборот, православные по исповеданию говорят по-польски (особенно, напр., в Замостском уезде)». Кроме того, население этой области, постоянно проживая рядом с поляками во многих местах, владеет и польским языком,

есть селения, где половина населения русская, вторая – польская. В ряде селений, где господствует польский язык и молодое поколение полностью перешло на него, «старики ещё сохраняют язык прадедов» [21: XII]. В «Статистических таблицах» учёный показывает количество православных и католиков до Указа от 17 апреля 1905 г., количество перешедших в католичество, количество православных и католиков к 1 января 1906 г., количество православных к началу 1908 г., на каком языке говорит коренное население в настоящее время в населённых пунктах Люблинской и Седлецкой губерний, а также наличное население шести уездов Люблинской и пяти уездов Седлецкой с указанием процентного соотношения православных и католиков в гминах. В конце брошюры даются карты православного и русского населения Холмской Руси [21: 3–48].

В 20–30-е гг. XX в. в Ужгороде действовало Культурно-просветительское общество им. А. Духновича, выпускавшее на русском языке журнал «Карпатский свет» и серию брошюр в качестве приложения к нему. В 1924 г. это общество переиздало старую работу В.А. Францева «Из эпохи возрождения Угорской Руси» под названием «К вопросу о литературном языке Подкарпатской Руси». В той же серии вышло небольшое исследование Францева «Из истории письменности Подкарпатской Руси» (1929). В 1930 г. в приложении к журналу «Карпатский свет» была напечатана его статья «Русский иезуит И.М. Мартынов, сотрудник "Церковной газеты" и "Церковного вестника" о. Иоанна Раковского (Несколько дополнений к галицко-русской библиографии Левицкого)». В 1930 г. в Ужгороде вышел «Карпатский сборник», где была помещена статья В.А. Францева «Из истории борьбы за русский литературный язык в Подкарпатской Руси».

В статье «Из истории письменности Подкарпатской Руси XVIII–XIX вв.» учёный говорит о том, что этот вопрос ещё «ждёт своего исследования». Первый опыт исследования угрорусской литературы предпринял о. Евмений Сабов в 1893 г., дав в своей «Хрестоматии» краткий очерк её истории. В.А. Францев обратил внимание на творчество двух студентов, уроженцев Угорской Руси, воспитанников иезуитской семинарии в Трнаве, «имена которых должны будут войти в словарь русских писателей Подкарпатья» [25: 1]. В своё время П.И. Шафарик для своего «Славянского народоописания» (1842) собирал этнографические и диалектические материалы, образцы языков и наречий. В его бумагах в библиотеке Чешского национального музея в Праге обнаружилось два листа со стихотворениями воспитанника Трнавской семинарии Андрея Вальковского, относящиеся к 1807 г. [25: 2].

Первое произведение – поздравление, или, «как автор сам выражается, тёплая молитва питомцев, поднесённая еп. Андрею Бачинскому в великий для угрорусов день его именин». Второе произведение –

пастушеская идиллия, жанр весьма популярный в то время в западноевропейской литературе, её «также, по-видимому, следует отнести к еп. Бачинскому» [25: 4].

В 1724 г. в Нюрнберге вышла книга «Slavonisch-Russisches Heiligthum mitten in Teutschland; Das ist: Der grosse Heilige und Märtyrei...». Книга содержит описание «древнерусского» изображения св. великомученика Феодора Стратилата, которое хранилось в церкви одного рыцарского имения. После вступительной исторической части о происхождении иконы приводится подлинник на славянском языке и в немецком переводе надписи, которая сопровождает отдельные сцены из жизни страстотерпца. Славянские надписи переписаны небрежно и неумело латинским письмом. Такое воспроизведение жития святого не удовлетворило автора книги, и в том же году он выпустил отдельным изданием текст надписей по-славянски с латинским переводом. «Правщиком-корректировщиком» текста и автором перевода на латинский язык стал студент Трнавской академии угрорус Григорий Булко из Мукачевского монастыря Св. Николая [25: 7–8].

В статье «Русский иезуит И.М. Мартынов, сотрудник "Церковной газеты" и "Церковного вестника" о. Иоанна Раковского (Несколько дополнений к галицко-русской библиографии Левицкого)» В.А. Францев пишет, что «в числе деятельных зарубежных сотрудников "Церковной газеты" и "Церковного вестника" И. Раковского мы можем, прежде всего отметить галичан Я.Ф. Головацкого и А. Петрушевича, а рядом с ними следует упомянуть известного русского учёного иезуита Ивана Матвеевича Мартынова» [26: 3].

«Сотрудничество Мартынова в газете Раковского было довольно значительно», – отметил автор. Но, вероятно, не все материалы, выславшиеся им, были опубликованы. И. Раковский не хотел никаких выступлений против православной церкви, «дабы не нарушить закона, строго воспрещавшего нападки на вероисповедания, признаваемые государством», «он стремился к тому, чтобы газета его была проникнута духом миролюбия и примирения, была бы поучительною и благочестивою». В то же время статьи И.М. Мартынова бывали подчас, как выразился редактор, «самого щекотливого и задорного» содержания. Начиная с 1857 г. и до прекращения «Церковного вестника», в обоих изданиях Раковского было опубликовано много писем Мартынова из Парижа и других его сообщений [26: 4]. Далее автор перечисляет опубликованные статьи, заметки и стихотворение И.М. Мартынова, отмечая, что кое-что не было напечатано «из-за резких взглядов Мартынова» на православие, некоторые мелочи могли затеряться среди других известий [26: 4–8].

В 1930 г. в «Карпаторусском сборнике» вышла статья В.А. Францева «Из истории борьбы за русский литературный язык в Подкарпатской

Руси в половине XIX ст.». Через год она была издана отдельно [27]. Учёный пишет, что «вопрос о литературном языке нынешней Подкарпатской (прежней Угорской) Руси имеет уже продолжительную историю». В письменности Подкарпатской Руси до XVIII в. «наблюдается преобладание церковнославянского языка, хотя уже с конца XVI ст. появляется некоторое число памятников», в которых обнаруживаются «явные, иногда значительные следы влияния местных русских говоров». К началу XIX ст. «на этот основной фон ложится более заметным наслоением живой народный язык», который, однако, «никогда не достигает господствующего или преобладающего значения, а тем более не возвышается в чистом своём виде до полной роли языка литературного». Исследователь не разбирает подробно причины, которые «помешали народным говорам Закарпатья, разделённым и значительно друг от друга отличающимся, при отсутствии достаточно подготовленных сил учёных и выдающихся дарований литературных, вне всякого влияния школы, вообще при скудости образовательных средств, развиться в единый и обработанный орган письменности». В.А. Францев задаётся вопросом: «была ли бы по существу необходима вся эта длинная и сложная работа для того, чтобы создать новый литературный язык на основе нескольких малорусских закарпатских говоров, т. е. выработать ещё один новый малорусский язык литературы», как это было в Галичине и в произведениях Т.Г. Шевченко в России [27: 1–2].

Учёный считал, что у Угорской Руси было два пути решения вопроса о литературном языке: «она могла или примкнуть без оговорок к литературной жизни малорусской (украинской) и слиться с ней в дальнейшем своём развитии, или избрать органом своей письменности высокоразвитый язык большой русской литературы, общее создание всех творческих сил русского народа, язык Пушкина, Гоголя, Тургенева, Льва Толстого». Третий путь, которым последовали в то время некоторые известные учёные круги Подкарпатской Руси, не желавшие примкнуть к вышеперечисленным течениям, – «особый язык, который носит ныне официальное название подкарпатского русского языка ("podkarpatská rusinština" или "p. ruština")». В.А. Францев называет его «искусственно взрожденным плодом», культивируемым одними из-за слепой приверженности к старине, другими – «вследствие полной неосведомлённости в истории развития литературных языков» [27: 2].

Он пишет, что «в русской науке такие усилия уже получили надлежащую оценку» и «в новой письменности бывшей Угорской Руси никогда не было течения, которое стремилось бы вывести на степень органа литературы и утвердить в ней исключительно какой-либо из местных народных говоров». «Примыкающие непосредственно к ближайшей, родственной Руси Галицкой, знакомые с длинными остры-

ми спорами галицко-русских писателей о языке их письменности, с языковым нестроением её русские литературные деятели Угорщины определённо высказываются за единый русский литературный язык, за идею объединения в этом языке с великою русскою литературою. Противники этой идеи обнаруживаются исключительно вне пределов Угорской Руси» [27: 2–3]. Далее автор рассказывает о взглядах по этому вопросу известных деятелей Угорской Руси: епископа Григория Тарковича, католического священника словака Андрея Радлинского, Иоанна Раковского, Александра Духновича. Много внимания он уделил взглядам на этот вопрос и «деятельности на литературном поприще» И. Раковского, который «осуществлял сознательно и последовательно идею сближения и объединения угрорусской письменности с литературою русской, и в этом объединении он видел источник новых сил, залог преуспеяния и дальнейшего роста маленькой угрорусской литературы, нуждавшейся в опоре и искавшей её» [27: 4–38].

Хотя исследования В.А. Францева по истории, этнографии, языку Угорской Руси не были приоритетными в его научных изысканиях, они информировали общественность, в т. ч. и научную, России, а позже и Чехословакии о проблемах изучения Подкарпатской Руси. Также он ввёл в научный оборот ряд источников. Его «Карты русского и православного населения Холмской Руси с статистическими таблицами к ним», выпущенные в период обострения дискуссий по холмскому вопросу, сыграли свою роль в положительном решении вопроса о выделении регионов компактного проживания русинов Холмщины и Подляшья в отдельную губернию.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Восстановлен (посмертно) в списках персонального состава АН СССР постановлением Общего собрания АН СССР № 17 от 22 марта 1990 г. [26: 198].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Досталь М.Ю.* Из переписки В.А. Францева (Письмо В.А. Францева В.С. Иконникову, письма А.В. Флоровского В.А. Францеву) // Славяноведение. 1994. № 4. С. 102–107.

2. *Кишкин Л.С.* Русская эмиграция в Праге: культурная жизнь (1920–1930-е годы) // Славяноведение. 1995. № 4. С. 17–26.

3. *Кишкин Л.С.* Русская эмиграция в Праге: печать, образование, гуманитарные науки (1920–1930-е годы) // Славяноведение. 1996. № 4. С. 3–10.

4. *Лаптева Л.П.* В.А. Францев. По материалам его литературного наследия // Sborník Národního Muzea v Praze. Řada C – Literární historie. Sv. 10. 1965. Č. 1.

5. *Лаптева Л.П.* В.А. Францев. Биографический очерк и классификация тру-

дов // *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii*. 1966. Rocník 35. Seš. 1. S. 79–95.

6. *Лантева Л.П.* Русский славист В.А. Францев и обстоятельства его эмиграции из России // *Rossica*. II. Pr., 1997. S. 55–62.

7. *Лантева Л.П.* В.А. Францев как историк славянства // *Славянская историография* / Под ред. И.М. Белявской и др. М.: Изд-во МГУ, 1966. С. 204–246.

8. *Лантева Л.П.* Францев Владимир Андреевич // *Славяноведение в дореволюционной России: Биобиблиографический словарь*. М., 1979. С. 349–351.

9. *Лантева Л.П.* Научная и общественная деятельность Владимира Андреевича Францева в эмиграции в Чехословакии // *Русская акция помощи в Чехословакии: История, значение и наследие* / Сост. Л. Бабка, И. Золотарев. Прага, 2012. С. 295–300.

10. *Лантева Л.П.* История славяноведения в России в конце XIX века первой трети XX в. М.: Индрик, 2012. 840 с.

11. *Лантева Л.П.* Владимир Андреевич Францев (1867–1942) – русский исследователь межславянских научных связей в XIX веке // *Новая и новейшая история*. 2016. № 3. С. 146–165.

12. *Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997: в 6 т. / Сост. В.Н. Чуваков. Т. 6, кн. 2: Скр–Ф. М.: Пашков дом, 2006. 723 с., ил.*

13. *Олонова Е. К* предыстории присуждения Нобелевской премии 1933 года (Письма П.Б. Струве и И.А. Бунина к В.А. Францеву, 1930–1933 гг.) // *Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы проведённых исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов*. Пр., 1995. С. 321–329.

14. *Пашуто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе / Отв. ред. Б.В. Левшин; вступ. статьи Е.А. Мельниковой, М.К. Шацилло. М.: Наука, 1992. 398, [2] с.

15. *Путник [Францев В.А.]* Современное состояние Угорской Руси // *Русский вестник*. 1900. Т. 265. С. 629–655.

16. *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М.: Индрик, 2004. 429, [1] с.

17. *Серапионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой Республике (20–30-е гг.) / Отв. ред. М.А. Робинсон. М.: ИСБ, 1995. 96 с., ил.

18. *Францев В.А.* Обзор важнейших изучений Угорской Руси (из отчёта ограничной командировке) // *Русский филологический вестник*. 1901. № 1–2. С. 145–197.

19. *Францев В.А.* Из эпохи возрождения Угорской Руси (Несколько неизвестных писем). Львов: Галицко-русская матица, 1902. 14 с.

20. *Францев В.А.* К истории кафедры славяноведения в Варшавском Королевском Александровском университете // *Новый сборник статей по славяноведению* / Сост. и изд. учениками В.И. Ламанского, при участии их учеников, по случаю 50-летия его учёно-лит. деятельности. СПб., 1905. С. 348–360.

21. *Францев В.А.* Карты русского и православного населения Холмской Руси с статистическими таблицами к ним. Варшава: Холм. свято-богородиц. братство, 1909 (Прага: Типография «Политики»). [2], XVI, 48 с., 2 л. карт., табл.

22. *Францев В.А.* Лекции по ист. этногр. славян: читанные студентам Императорского варшавского университета в 1911/12 акад. году. Варшава: Типолит. Феликс Регульский и К°, 1912. 347 с.

23. Францев В.А. К вопросу о литературном языке Подкарпатской Руси. Издание культурно-просветительного общества им.А.Духновича в Ужгороде. Ужгород: Типография «Школьная помощь», 1924. Вып. 2. 15 с.

24. Францев В.А. Десять лет свободной жизни чехословацкого народа. Приложение к журналу «Карпатский свет». Издание культурно-просветительного общества им. А. Духновича в Ужгороде. Ужгород: Типография «Школьная помощь», 1928. Вып. 48. 15 с.

25. Францев В.А. Из истории письменности Подкарпатской Руси XVIII – XIX вв. Издание культурно-просветительного общества им. А. Духновича в Ужгороде. Ужгород: Типография «Школьная помощь», 1929. Вып. 61. 18 с.

26. Францев В.А. Русский иезуит И.М. Мартынов, сотрудник «Церковной газеты» и «Церковного вестника» о. Иоанна Раковского (Несколько дополнении к галицко-русской библиографии Левицкого). Приложение к журналу «Карпатский свет». Издание культурно-просветительного общества им. А. Духновича в Ужгороде. Ужгород: Типография «Школьная помощь», 1930. Вып. 90. 8 с.

27. Францев В.А. Из истории борьбы за русский литературный язык в Подкарпатской Руси в половине XIX ст. Отдельный оттиск из «Карпаторусского сборника», 1930 г. Прага: Издательское общество «Единство», 1931. 38 с.

28. Яворский Ю.А. Из истории научного исследования Закарпатской Руси Прага: Живое слово, 1928. 26 с., 2 л. портр.

29. Andreyev C., Savický I. Russia Abroad. Prague and the Russian Diaspora, 1918–1938. New Haven, L., 2004. P. 83, 97, 103.

30. Francev V.A. K.J. Grot. V Praze: Nákladem České akademie věd a umění, 1935. 56 s., portrét.

31. Hlaváček P., Fesenko M. Rusové v Praze: ruští intelektuálové v meziválečném Československu. Petr Hlaváček, Mychajlo Fesenko. Vydání první Praha: Univerzita Karlova, Filozofická fakulta, 2017. 155 s.

32. Olonová E. V.A. Francev v Praze v letech 1921–1942: Na základě pražských archivů. Elvíra Olonová. Česká literatura: časopis pro literární vědu 44. 1996. Č. 1. S. 89–99.

33. Kudělka M. Francev Vladimír Andrejevič // Československé práce o jazyce, dějinách a kultuře slovanských národů od r. 1760. Biograficko-bibliografický slovník. Praha, 1972.

34. Syllaba Th. V.A. Francev: bibliografický soupis vědeckých prací s přehledem jeho činnosti. Praha: Statní knihovna ČSR - Slovanská knihovna, 1977. 130 s.

35. Zahradníková M. Zpráva o pozůstalosti Vladimíra Andrejeviče Franceva. Moderní revue. Praha: Památník Národního písemnictví 1997. 28. S. 151–153.

36. Weingart M. Vladimír Francev // Slavia. Časopis pro moderní filologii. Praha, 1937. 23. Č. 4.

REFERENCES

1. Dostal, M.Yu. (1994) Iz perepiski V.A. Frantseva (Pis'mo V.A. Frantseva V.S.Ikonnikovu, pis'ma A.V.Florovskogo V.A. Frantsevu) [From the correspondence of V.A. Frantsev (Letter from V.A. Frantsev to V.S.Ikonnikov, letters from A.V. Florovsky to V.A.Frantsev)]. *Slavyanovedenie*. 4. pp. 102–107.

2. Kishkin, L.S. (1995) Russkaya emigratsiya v Prage: kul'turnaya zhizn' (1920–1930-e gody) [Russian emigration in Prague: cultural life (1920s – 1930s)]. *Slavyanovedenie*. 4. pp. 17–26.

3. Kishkin, L.S. (1996) Russkaya emigratsiya v Prage: pechat', obrazovanie, gumanitarnye nauki (1920–1930-e gody) [Russian emigration in Prague: printing, education, humanities (1920s – 1930s)]. *Slavyanovedenie*. 4. pp. 3–10.

4. Lapteva, L.P. (1965) V.A. Frantsev. Po materialam ego literaturnogo naslediya [V.A. Frantsev. Based on his literary heritage]. *Sbornik Národního muzea v Praze*. 10. p. 1.

5. Lapteva, L.P. (1966) V.A. Frantsev. Biograficheskiy ocherk i klassifikatsiya trudov [V.A. Frantsev. A biographical sketch and classification of works]. *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii*. 35(1). pp. 79–95.

6. Lapteva, L.P. (1997) Russkiy slavist V.A. Frantsev i obstoyatel'stva ego emigratsii iz Rossii [Russian Slavist V.A. Frantsev and the circumstances of his emigration from Russia]. *Rossica*. 2. S. 55–62.

7. Lapteva, L.P. (1966) V.A. Frantsev kak istorik slavyanstva [V.A. Frantsev as a historian of Slavism]. In: Belyavskaya, I.M. et al. (eds) *Slavyanskaya istoriografiya* [Slavic Historiography]. Moscow: Moscow State University. pp. 204–246.

8. Lapteva, L.P. (1979) Frantsev Vladimir Andreevich. In: Diakonov, V.A. et al. (eds) *Slavyanovedenie v dorevolyutsionnoy Rossii: Biobibliograficheskiy slovar'* [Slavic Studies in Pre-Revolutionary Russia: Biobibliographic Dictionary]. Moscow: Nauka. pp. 349–351.

9. Lapteva, L.P. (2012) Nauchnaya i obshchestvennaya deyatel'nost' Vladimira Andreevicha Frantseva v emigratsii v Chekhoslovakii [Vladimir Andreevich Frantsev's scientific and social activities in emigration in Czechoslovakia]. In: Babka, L. & Zolotarev, I. *Russkaya aktsiya pomoshchi v Chekhoslovakii: Istoriya, znachenie i nasledie* [Russian Assistance to Czechoslovakia: History, Meaning and Heritage]. Prague: National Library of the Czech Republic – Slavic Library. pp. 295–300.

10. Lapteva, L.P. (2012) *Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v kontse XIX veke pervoy treti XX v.* [The history of Slavic studies in Russia in the late 19th – first third of the 20th century]. Moscow: Indrik.

11. Lapteva, L.P. (2016) Vladimir Andreevich Frantsev (1867–1942) – Russian researcher of scientific Inter-Slavic relations in the nineteenth century. *Novaya i noveyshaya istoriya – Modern and Contemporary History*. 3. pp. 146–165 (in Russian).

12. Chuvakov, V.N. (2006) *Nezabytye mogily. Rossiyskoe zarubezh'e: nekrologi 1917–1997: v 6 t.* [Unforgotten graves. Russian Diaspora: obituaries 1917–1997: in 6 vols]. Vol. 6. Moscow: Pashkov dom.

13. Olonova, E. (1995) K predystorii prisuzhdeniya Nobelevskoy premii 1933 goda. (Pis'ma P.B. Struve i I.A. Bunina k V.A. Frantsevu, 1930–1933 gg.) [On the background of the 1933 Nobel Prize. (Letters from P.B. Struve and I.A. Bunin to V.A. Frantsev, 1930–1933)]. In: *Russkaya, ukrainskaya i belorusskaya emigratsiya v Chekhoslovakii mezhdru dvumya mirovymi voynami. Rezul'taty i perspektivy provedennykh issledovaniy. Fondy Slavyanskoy biblioteki i prazhskikh arkhivov* [Russian, Ukrainian and Belarusian emigration in Czechoslovakia between the

two world wars. Results and prospects of the conducted research. Funds of the Slavic Library and Prague Archives]. Prague: Narodni Knihovna CR. pp. 321–329.

14. Pashuto, V.T. (1992) *Russkie istoriki-emigranty v Evrope* [Russian historians-emigrants in Europe]. Moscow: Nauka.

15. Putnik [Frantsev, V.A.]. (1900) *Sovremennoe sostoyanie Ugorskoy Rusi* [The current state of Ugrian Rus]. *Russkiy vestnik*. 265. pp. 629–655.

16. Robinson, M.A. (2004) *Sud'by akademicheskoy elity: otechestvennoe slavyanovedenie (1917 – nachalo 1930-kh godov)* [The Fates of the Academic Elite: Russian Slavic Studies (1917 – early 1930s)]. Moscow: Indrik.

17. Serapionova, E.P. (1995) *Rossiyskaya emigratsiya v Chekhoslovatskoy Respublike (20–30-e gg.)* [Russian emigration in the Czechoslovak Republic (20–30s)]. Moscow: ISB.

18. Frantsev, V.A. (1901) *Obzor vazhneyshikh izucheniy Ugorskoy Rusi (iz otcheta o zagranichnoy komandirovke)* [Review of the most important studies of Ugrian Rus (from the report on a business trip abroad)]. *Russkiy filologicheskii vestnik*. 1–2. pp. 145–197.

19. Frantsev, V.A. (1902) *Iz epokhi vozrozhdeniya Ugorskoy Rusi (Neskol'ko neizdannykh pisem)* [From the Renaissance Era of Ugrian Rus (Several unpublished letters)]. Lvov: Galitsko russkaya matitsa.

20. Frantsev, V.A. (1905) *K istorii kafedry slavyanovedeniya v Varshavskom Korolevskom Aleksandrovskom universitete* [On the history of the Department of Slavic Studies at Warsaw Royal Alexander university]. In: Frantsev, V.A. et al. *Novyy sbornik statey po slavyanovedeniyu* [New Articles on Slavic Studies]. St. Petersburg: Tip. M-va putey soobshcheniya (t-va I.N. Kushnerev i K°). pp. 348–360.

21. Frantsev, V.A. (1909) *Karty russkogo i pravoslavnogo naseleniya Kholmской Rusi s statisticheskimi tablitsami k nim* [Maps of the Russian and Orthodox population of Chełm Rus with statistical tables]. Warsaw: Kholm. Svyatobogorodits. bratstvo.

22. Frantsev, V.A. (1912) *Leksii po ist. etnogr. slavyan: chitanye studentam Imperatorskogo varshavskogo universiteta v 1911/12 akad. godu* [Lectures on history, ethnography of the Slavs: to the students of the Imperial Warsaw University in 1911/12 academic year]. Warsaw: Tipo-lit. Feliks Regul'skiy i K°.

23. Frantsev, V.A. (1924) *K voprosu o literaturnom yazyke Podkarpatskoy Rusi. Izdanie kul'turno-prosvetitel'nogo obshchestva im. A. Dukhnovicha v Uzhgorode* [On the literary language of Subcarpathian Rus. Publication of The A. Dukhnovich Cultural and Educational Society in Uzhhorod]. Uzhhorod: Tipografiya "Shkol'naya pomoshch".

24. Frantsev, V.A. (1928) *Desyat' let svobodnoy zhizni chekhoslovatskogo naroda. Prilozhenie k zhurnalu "Karpatskiy svet". Izdanie kul'turno-prosvetitel'nogo obshchestva im. A. Dukhnovicha v Uzhgorode* [Ten years of the free life of the Czechoslovak people. Supplement to the magazine "Carpathian Light". Publication of The A. Dukhnovich Cultural and Educational Society in Uzhhorod]. Uzhhorod: Tipografiya "Shkol'naya pomoshch".

25. Frantsev, V.A. (1929) *Iz istorii pis'mennosti Podkarpatskoy Rusi XVIII–XIX vv. Izdanie kul'turno-prosvetitel'nogo obshchestva im. A. Dukhnovicha v*

Uzhgorode [From the history of writing in Subcarpathian Rus in the 18th – 19th centuries. Publication of The A. Dukhnovich Cultural and Educational Society in Uzhhorod]. Uzhhorod: Tipografiya “Shkol’naya pomoshch”.

26. Frantsev, V.A. (1930) *Russkii iezuit I.M. Martynov, sotrudnik “Tserkovnoy gazety” i “Tserkovnogo vestnika” o. Ioanna Rakovskogo (Neskol’ko dopolnenii k galitsko-russkoy bibliografii Levitskogo). Prilozhenie k zhurnalu “Karpatskiy svet”. Izdanie kul’turno-prosvetitel’nogo obshchestva im. A. Dukhnovicha v Uzhgorode* [Russian Jesuit I.M. Martynov, employee of the “Church Gazette” and “Church Bulletin” of Fr. John Rakovsky (Several additions to Levitsky’s Galician-Russian bibliography). Supplement to the magazine “Carpathian Light”. Publication of The A. Dukhnovich Cultural and Educational Society in Uzhhorod]. Uzhgorod: Tipografiya “Shkol’naya pomoshch”.

27. Frantsev, V.A. (1931) *Iz istorii bor’by za russkii literaturnyy yazyk v Podkarpatskoy Rusi v polovine XIX st. Otdel’nyy ottisk iz “Karpatorusskogo sbornika”, 1930 g.* [From the history of the struggle for the Russian literary language in Subcarpathian Rus in the half of the 19th century. A separate reprint from the “Carpathian Collection”, 1930]. Prague: Edinstvo.

28. Yavorskiy, Yu.A. (1928) *Iz istorii nauchnogo issledovaniya Zakarpatskoy Rusi* [From the history of scientific research of Transcarpathian Rus]. Prague: Zhivoe slovo.

29. Andreyev, C. & Savický, I. (2004) *Russia Abroad. Prague and the Russian Diaspora, 1918–1938*. New Haven, L.: [s.n.]. pp. 83, 97, 103.

30. Francev, V.A. (1935) *K.J. Grot*. Prague: Nákladem České akademie věd a umění.

31. Hlaváček, P. & Fesenko, M. (2017) *Rusové v Praze: ruští intelektuálové v meziválečném Československu*. Prague: Univerzita Karlova, Filozofická fakulta.

32. Olonova, E. (1996) V.A. Francev v Praze v letech 1921–1942: Na základě pražských archivů. *Česká literatura: časopis pro literární vědu*. 44(1). pp. 89–99.

33. Kudělka, M. (1972) Francev Vladimir Andrejevič. In: *Československé práce o jazyce, dějinách a kultuře slovanských národů od r. 1760. Biograficko-bibliografický slovník*. Prague: [s.n.].

34. Syllaba, Th. (1977) V.A. Francev: *bibliografický soupis vědeckých prací s přehledem jeho činnosti*. Praha: Statní knihovna ČSR – Slovanská knihovna.

35. Zahradníková, M. (1997) Zpráva o pozůstalosti Vladimíra Andrejeviče Franceva. *Moderní revue*. 28. pp. 151–153.

36. Weingart, M. (1937) Vladimir Francev. *Slavia. Časopis pro moderní filologii*. 23. p. 4.

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sergey G. Sulyak – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: s.sulyak@spbu.ru